

18+

Вячеслав Киктенко

АРАБЕСКИ

Вячеслав Киктенко

Арабески

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016546

ISBN 9785005168443

Аннотация

Две небольшие лирические повести вошли в эту книгу: «АРАБЕСКИ» и «ЗЕЛЁНОЕ ДИВНОЕ ПОЛЕ». Связаны они не общим сюжетом, но свободным, раскованным стилем, на границе поэзии и прозы.

Содержание

Арабески

5

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Арабески

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-6844-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Арабески

1. Вступление в Игру...

Арабески... глиняные расписные таблички с цветами, с девятью арабскими цифрами...

Там зашифрован код мира. Код единственно верного сочетания этих цифр, некой волшебной и, скорее всего, очень простой формулы, которой не могут отыскать кроманьонцы. Код зашифрован...

Игра, азарт... это, скорее, из мира богов, чем из отражённого мира людей. В мире людей живёт любовь, жалость, жажда справедливости... и боги этого не отменяют, но включают в себя, в свою Игру. Игра лежит в основе пантеистического мира.

Боги азартны. Лишь отблески их Игры просвечивают в многообразии земного мира. И даже в его виртуальной завинченности, которая смешно пытается ввинтиться в мир богов. – Потуги «компьютерных гениев», кроманьёнцев...

Первичность Слова у Христиан. Первичность Числа у мусульман. У арабов – арабески, девять чисел, в которых заключена тайна мира (в их комбинаторике). Тайное Имя (Слово) Бога – вот поиск Библии. Тайное сочетание чисел – поиск Ислама. Но что первичнее? Число ведь тоже надо сна-

чала назвать словом, хотя бы мысленно.

Птица Ангел...

Кажется, приблизились к разгадке кода Даже простые, игральные. Но ещё ближе – загадочные карты Таро, принесённые откуда-то цыганами. Скорее всего, они были выкрадены у кого-то, ... *карты. Кого Нельзя Называть*

Впрочем, цыгане, похоже, и сами уже забыли откуда они их вынесли, и зачем...

И куда их несут...

А ещё ближе подобрались к разгадке мира – кости... почему-то Об этом речь впереди. *шестигранные.*

Домино тоже шеститочечно – в максимуме своём. В домино костяшки с разным набором цифр, и это, казалось бы, расширяет возможности игры, но... в этой игре есть слабые (неумелые) игроки, и более сильные (опытные). И в этом-то главная слабость домино. Этой игре можно – . А значит, фактор Судьбы здесь не главный. *обучиться*

Знатоки карт также очень различны – от «лохов» до суперпрофессионалов (не путать с банальными шулерами!). И здесь, выходит, не только Судьба решает, а умение.

Не то, совсем не то великие Древние Кости, которые подбрасывают в небо.

Кости... они чистые!

Вообще Игра, как таковая (начиная от самых первых детских игр, основанных на «дегенерировавших заклинаниях» полуразмытой древности до самых новых, «цивильных»), любая игра несёт в себе фундаментальных знаний о мире, о его скрытых законах гораздо больше, нежели принято думать.

Две самые популярные «интеллектуальные» игры последних времён – шашки и шахматы – похоже, исчерпали себя. Тайну шашек расщёлкали ещё в середине 20-го века, играют в них всё реже, в основном от скуки, на интерес, на бутылку...

Шахматы до явления суперкомпьютеров казались незыблемым бастионом. Бастион пал. Гроссмейстеры ещё доигрывают свои смешные чемпионаты, но... где тот азарт, где тот пристальный, общемировой, почти нездоровый интерес к ним?

А представим фантастическое: всемирная Федерация вдруг взяла и договорилась о введении некоторых изменений в шахматные правила! Слону, допустим, дали бы дополнительный вираж в сторону на последней линии противника, ладье разрешили бы финт коня в определённой ситуации, пешке ещё какую-нибудь дополнительную функцию... как бы обновилось – видоизменилось на доске – всё!

И компьютеру ещё надолго бы хватило работы, чтобы

в очередной раз убить шахматы...

Прощай, великая, вышедшая из древности, Игра, прощай...

Спасибо тебе за незабвенные вечера на работе, уворованные у семьи, спасибо за умопомрачительные обиды от проигрышей, за вдохновенные полёты (буквально на крыльях, над тротуаром полёты!) после Победы... прощай, великая Игра...

...повторяющееся воспоминание: старики-аксакалы в Алма-Ате, босоногие, сидящие на пыльной траве у арыка и подбрасывающие в воздух игральные кости.

А рядом – шумный восточный базар, которого они словно не замечают...

Не думал, что это станет *Темой*.

...помню, ещё где-то в середине 70-х годов прошлого столетия мы, несколько друзей – русских и русскоязычных казахов: прекрасные писатели и поэты Ерлан Сатыбалдиев, Кайрат Бакбергенов, я, ещё другие русские, но в основном мы втроём. (Казахи, мои друзья, великолепно владели двумя языками, как русским, так и казахским) собирались на маленьких, знаменитых алма-атинских кухоньках и спорили захлёб до поздней ночи... о чём? Ну, во-первых, о драках, чем был довольно знаменит разношерстный многонациональный город. О женском поле, конечно... ну а главное –

о Евразии, ставшей теперь, гораздо позже, актуальной темой. А тогда и заикаться вслух об этом было опасно, упоминать Букейхана, Потанина – первых евразийцах, ещё 19 века. Говоря же о предтечах, в первую очередь, пожалуй, стоит здесь назвать имена Фёдора Достоевского и Чокана Валиханова, в дружеских беседах и письмах касавшихся этой темы.

Тем более, опасно было тогда упоминать о евразийцах 20-го века, частично выловленных ЧК в ходе знаменитой и, надо сказать, блистательно проведённой «Операции Трест». Никакого «Треста» не было, это и донныне горечь и разочарование – великую идею «подставили», а персонажей организации «Трест» попросту выдумали в ЧК. А ведь даже имена настоящих евразийцев-эмигрантов очень значительны – Трубецкой, Карсавин, Савицкий... и это только верхушка айсберга.

Упоминать же об их казахских единомышленниках, Алаш-ордынцах, теперь весьма прославленных и возведённых в ранг национальных героев (из них чудом выжили немногие, самый известный писатель Мухтар Ауэзов), тогда было вообще подсудно. Заведись, не дай Бог, среди нас стукач, судьбы наши сложились бы совсем, совсем иначе...

Но не завелись. И это ничуть не странно: доверяли мы другу другу легко и безоглядно.

А говорили мы о том, чего ещё не вполне понимали. Мы просто чувствовали – под нами тяжёлая и серьёзная земля. И она досталась нам в наследие. Казахам чуть раньше, каза-

кам (мои предки из семиреченских казаков, поселившихся здесь со времён Екатерины) чуть позже.

Но почему-то чётко понимали (точнее – чуяли), что громадный полумесяц Казахстана и огромная Сибирь – это одна земля. И её разорвать не удастся никому, никогда. Умный же политик, наоборот, почуяв это, начнёт так или иначе собирать эту землю воедино.

Кое-что я понял (на уровне осознания) лишь в середине 80-х годов. Мы тогда с Евгением Курдаковым (Царствие ему Небесное!), значительным поэтом и серьёзным знатоком этнографии и минералогии, ездили по всему Восточному Казахстану с циклом лекций от Общества Знания – замечательная была организация, скажу задним числом, как и Бюро Пропаганды Союза писателей, которые рухнули вместе с Советским Союзом.

И вот, отдыхая однажды на озере Зайсан, в заливах Иртыша от лекций и чтения стихов в рабочих коллективах (в основном это были заводы Среднего Машиностроения. Для несведущих скажу – так шифровались заводы атомной промышленности).

Купались, гуляли по окрестностям, ловили рыбу, просто бродили вдоль берега – а места там на редкость красивые! Пинали прибрежные камушки...

И вдруг Женя остановил меня:

– А ты знаешь, что сейчас пнул?

– Гольш... красивый, конечно, надо бы забрать с собой (а у меня с детства хранилась коллекция камушков, вначале просто выловленных в алма-атинских арыках, а позднее привезённых из геологических экспедиций). Гольш был и вправду красив – плоский, с чёрным отливом и белой полосой посередине...

– Так вот, это Танталониобад... на этом камушке, если приложить мозги и деньги, может небольшой город работать целый год.

– Почему не работает?

Женя печально усмехнулся и показал на ещё один гольш:

– А вот Нильсборий... это вообще самый тяжёлый минерал в таблице Менделеева. Вот ты меня спрашивал, когда мы выступали в пятом цехе, почему у молодых ещё мужиков такие серые, мучнистые лица?

– Спрашивал.

– Не хотел я тебя пугать... ты вырос, считай, в курортном месте, в Алма-Ате, а здесь...

У мужиков с детства здесь такая судьба – Они очень рано женятся, побыстрее заводят двух-трёх детишек, а потом, ближе к тридцати у них «повисает на полшестого»... и они не корят своих молодых жён, если те заводят дружка на стороне, а просто кормят семью... такая судьба...

Ты, конечно, прав, говоря про свою любимую Евразию, но знай, что не всё так красиво... здесь же, как и в Сибири, вся таблица Менделеева. Да если сюда вложиться!.. Же-

ня мечтательно зажмурился и прервал становившийся тяжёлым разговор.

Уже позже я разговорился на эту тему с казахом-геологом. Он спросил:

– А ты знаешь, сколько вся наша нефть и газ весят по сравнению с редкоземельными металлами, да хоть бы на одном Мангышлаке?

– Ну и сколько?

– Да с ноготок, не больше... ты думаешь, почему западные акулы так зарятся на нашу землю? У вас, в России, армия мощная, а мы при «плохом ветре» в геополитике вообще можем оказаться беззащитными... кстати, ты замечал, как трудно ходить по Казахстану и по Сибири? Физически трудно?..

И тут до меня дошло. Бывал же я и в европах, и в Африке... в Африке вообще, как на Луне, почти летаешь, а не ходишь. Нет больше такой земли, как Россия и Казахстан. Назарбаев уже добрых двадцать лет про Евразию твердит. А вот и Россия, и Белоруссия, наконец, откликнулись...

А Евразийское пространство не так просто и очевидно. Если реально двинется проект Евразийского Союза, тогда там, в Евразийском пространстве, могут оказаться и Скандинавия, и Германия, и самые неожиданные территории.

Стоит взглянуть на карту земли, становится ясно: две Империи уже утвердились на планете – США и Китай.

Но ведь зреет и третья Империя! Причём, самая опасная – фундаменталистская. Ближний Восток, Саудиты, Катар... «арабская весна» не случайно ведь развёрнута? Приглядишься, вспомни Историю – да ведь это всё та же («модернизированная», правда) идея Великого Турана, где, по фундаменталистскому замыслу, должен осуществиться «панмонголизм». То есть, туда должны быть втянуты и территории Средней Азии, и все бывшие Советские Республики.

А они боятся этого пуще огня! У казахов, к примеру, женщины никогда не носили ни паранджи, ни хиджаба, и вообще, по корневой сути те же казахи (казаки, вольные люди) гораздо ближе к России, чем к арабским шейхам. У казахов был всегда классический Ислам, без радикализма. Они не согласны на рабство у арабских шейхов, на извращение Ислама.

...но – оттуда, с ближнего Востока, через Кавказ насылают и насылают вохаббитов, придумавших какие-то бредовые «пояса шахидов», дурачащих глупых (или насмерть запуганных) девок и устраивающих теракты, даже в центре России.

Вот и думай, брат, поглядев на карту земного шара, – а ведь зреет и четвёртая Империя – Евразийский Союз. Думай, брат, думай...

...цыгане... великое, деградировавшее племя прекрасных бродяг-песенников-танцоров, несших дольнему миру когда-то – неясно Откуда – отблеск ТАЙНЫ ВЫСОКОГО

МИРА, но заплутавших и забывших, забывших откуда, кому, зачем это несших, выродившихся в цветастых, нередко жуликоватых ухарей. **главное**

...а племя изначально великое...

2. Обманщики и щипщики

...классическая, великая Алма-Ата 50-х годов 20 века.

И – выступает из памяти день... один из самых ужасающих дней вполне счастливого детства: отец волочёт меня, как на закланье барана, в кошмарное место. А этот «баран» из всех силёнок упирается сандаликами в раскалённый асфальт... а отец всё волочёт, волочёт, волочёт... волочёт на этот раз к «Тёте чёрненькой».

Они чередуются: «Тётя беленькая» и «Тётя чёрненькая». Отцу кажется, что это симпатичные, милые тётеньки, одна лучше другой, и мне просто глупо не радоваться такой невероятной удаче и везению – визиту к НИМ. И он их поочередно расхваливает, расхваливает... ага!

Они – сущий кошмар, отвратительнее их нет на всём белом свете. Они – зубные врачихи! Они крутят голыми, заголёнными в работе ногами, с намокшими от напряжения трусами, которые я невольно должен обозревать с зубоврачебного кресла, крутят мощными ногами свои страшные педальные машины...

Тогда, в 50-х годах далеко не во всех городских стоматологиях бор-машины были электрические, я до сих пор отчётливо помню допотопные, ножные бор-машины, навряд ли точильных или же швейных машинок. Естественно, свёрла вращались с произвольной скоростью, в зависимости от физической формы «тётенок», от их усталости, от времени приёма. Как правило, вращались довольно медленно, и потому очень больно. Больно для меня, разумеется...

После плаката в детской клинике:

Сырая улитка носа

Долго ползала по платку,

Оставляя за собой

Серебряные следы.

Потом уползла.

Высохла. Умерла...

Улыбнулись врачи!

.....

В детской клинике врачи теперь

На плакате так и стоят,

Радостно воздымая чистые,

Стиранные носовые платки...

...о, эта «Тётя чёрненькая»!.. Я помню, как, ласково ощеряясь, впивалась она в мои нежные зубы своими дикими свёрлами, свёрлышками!.. А потом ещё долго ковырялась там

какими-то невообразимо погаными, студёно сверкавшими шильцами... бр-рр!..

А уж «Тётя беленькая»!.. Она даже не улыбается мне, в отличие от «чёрненькой», я уже хорошо знаю её. Она молча хватает меня за тощую шею, фиксирует её на спинке кресла, и, рывкнув что-то вроде «молчать!», заводит белой ногой пыточную машину...

– «А я тебя ..» *навижу!*

От одного воспоминания об этих «визитах» мне становится плохо ещё накануне, когда мы дома, и только ещё собираемся (это отец собирается, а я пытаюсь спрятаться от него за большой фикусной кадкой в углу нашей «залы»). И хотя сегодня принимает «Тётя чёрненькая», ласковая тётя, я ловко выловленный отцом из-за кадки и выведенный на страшный путь, я всё равно ору и упираюсь ногами в асфальт – в раскалённый июльский асфальт восточного города...

...стародавним летом, в маленьком азиатском городке, в платном парке – для «» – ещё мальчишкой, накануне Революции, отец увидел на спинке садовой скамейки надпись, поразившую его и запомнившуюся на всю жизнь: *благородных*

«Все мушкетеры обманщики и щипчики».

Надпись была выполнена кокетливым, явно женским по-

черком, тонким мелочком. А прямо под ней другая, грубо резанная ножом:

«Ишь, какая хризантема!»

Почему отец любил рассказывать про это давнее событие? Почему так по-детски смеялся всякий раз? Почему лицо его светилось каким-то «неотсудным» светом? – Сейчас так не улыбаются, не смеются, не светятся...

Кажется, понимаю – те слова на садовой скамейке несли в себе отсвет затонувшего мира, Атлантиды его детства, запахи и цвета невозвратного времени...

Нынче так не напишут. Мат заполонил скамейки, подъезды, дома. Знак времени. Как и те слова – тоже знак своего времени – на той узорной скамейке, в дореволюционном парке, в отцовом детстве...

Отец часто снится, изматывает душу – да как же я, дурень, мог поверить, что он умер! Вот же, вот же он! Погрузнел только. И с каждым разом будто стареет... или прозрачневет. Почти не говорит, но всё понятно.

Вот, наверно, входит в настоящую, промысленную форму, в суть, в отрешённость. А всё такой же добрый и умный, как бывало... нет, ещё лучше! Может быть, потому, что свой огненный кирпичик уже вложил в основание?

Снится отец... снился. Когда?

...д авненько во сне я не видел отца,

*Не пёк пирогов, не варил холодца...
И бабушка тоже не снилась давно,
В своём уголке не клонилась темно...
И мать не является...
Видно, живу
Уж так хорошо, словно все наяву...

Нет, снится! Было время – сочное, злое, перенасыщенное семенем, плодородием, коварствами, хищью, страстями, женщинами... – вот тогда и не снился. Было время. Горная река грохотала, билась меж скал, неистовствовала, швыряла пену на мокрые берега, грохотала во всё ущелье...

Река вошла в русло, налилась до полноты цветения и покоя – снова снится отец. Наяву снится! И такие странные вещи говорит – настолько простые и мудрые, сразу не понять, не разобрать – о чём он так просто говорит, даже не глядя порою на меня, а делая попутно свои несуетные дела:

раскладывает книги и рукописи по столу, аккуратно складывает чистый носовой платок и кладёт его в правый карман пиджака – всё того же, памятного в последние годы, пристёгивает к связке домовых ключей знакомый до мельчайшей царапинки многолетний ключ от лабораторного сейфа, собирает спички, почему-то раскиданные по столу, аккуратно складывает их в коробок, и говорит – негромко, просто, само, казалось бы, собою понимающееся вещи, слова.

Но вот что дивно – дни, недели, месяцы надобны, что-

бы осознать их, эти самые простые вещи, чтобы проявились они, как на фотоплёнке – сперва на негативе, а ещё, чуть позднее, на позитиве...

Память свежее жизни...

...и была ночь, и был сон о Красоте. Красота – невыразимая какая-то. Красота возникает из уродства, из кривой чьей-то шеи, из кошмарного черепа... возникает в движении к чему-то. К чему? Ещё неясно. Но в какой-то момент она вдруг становится неописуемо прекрасной – до боли, до вздрогга во сне...

А ведь это о Страхе! Страх – с большой буквы...

Явь, сон, правь, искусство, жизнь... как расплетёшь, развяжешь по узелкам, разложишь по полочкам?

Жизнь подражает искусству. Не наоборот. Так же привирает. Главный закон творчества: «Не соврёшь – не расскажешь». Но вот ведь какая беда, воображение, или вообще нечто задуманное, идеальное, в процессе изложения, особенно письменном, оказывается намного бледнее. Тускнеет и скукоживается, словно медуза, вынутая из воды, словно вспомнившийся, проявленный и пересказываемый сон. Скажу ещё:

Воображение – воплощаемо, но – мощнее **Воображаемое Случившегося.**

Сны – прообразы творчества. Но и под спудом вранья-привирания – подлинная правда. Тоже не сразу разглядишь, не сейчас поймёшь: о чём это было, что говорилось?..

Сны... туманные прообразы чего-то. Чего? Разбираюсь...

Было грустно видеть, как у большинства живущих золотой кирпичек тает и превращается в крупицу... рушился, рушится, а потом вдруг скрепляется вновь этот огненный, золотой Кирпичик. Кирпичик Веры. Рушится, крошится в скрупулы.... и – неясно, когда возродится. Возродится ли?

Грусть не покидала. Не покидала с тех самых пор, когда впервые почувствовал разрушение Самого-Самого в мире.

Суслоны света...

Грусть прошла, – я вспомнил отца! Однажды, в солнечной яви мне вспомнился из детства забытый прииск золото-добытчиков.

Отец тогда взял меня в поездку с крупной гидрологической партией, и в одну из остановок на долгом пути, я увидел, как намывают золото. Более всего поразили слова отца о том, что основные золотые запасы страны составляются именно из песчинок. Крупицы переплавляются в слитки-кирпичики, и хранятся где-то в тайниках государства.

А крупные самородки – большая редкость. Это давало надежду. Отец опять помог...

Скрупулы сна. Огненные крупы.

...отец идёт на привычный компромисс (на жульничество!) – обещает в награду за муки моё любимое шоколадное мороженое.

Естественно, после приёма у врача.

Я знаю, что и без этого приёма я получил бы в знойный день от отца чудесный коричневый брикетик за 15 копеек, только попроси. Но почему-то снова, в очередной раз, этот сладкий посул надламывает мою волю, и я перестаю упираться, выкачивать протестными криками мизерные человеческие права. Я уже не царапаюсь по асфальту сандаликами, я почти спокойно иду рядом с отцом. Более того, я начинаю всё явственнее фиксировать окружающий мир...

...а мир летнего солнечного городка кажется особенно прекрасным в предчувствии неизбежной пытки. Мы приближаемся к знаменитому на всю Среднюю Азию

... **Зелёному Базару**

...плох тот больной, который не мечтает...

Мы уже в нижней части города, на пересечении улиц

Пушкина и Пастера... уже грохочут по рельсам красные полудеревянные трамваи с незакрывающимися дверями, с огромным, таинственным (тормозным, как выяснится позже) штурвалом возле кресла кондуктора...

Шум с базара расползается далеко за его пределы... снуют по улицам нечастые для 50-х годов легковушки, грузовички-полторки, пылища стоит столбами в солнечных проёмах крон могучих карагачей-бородачей: всё знакомо, всё привычно, пейзаж самый будничный, и вдруг...

*«...а уж сказать, то так сказать,
Чтоб донести дыханье Бога,
И что-нибудь ещё... немного...
Мысль, так сказать...»*

...о, и полвека спустя я вижу их так же отчётливо, как и в тот горестный (счастливый, счастливый!) день: я вижу этих волшебных седобородых

стариков-аксакалов, совершенно спокойно, даже отрешённо сидящих в самом центре околобазарной суеты – на траве, у арыка...

Проклятие суетящимся: – .» **«Чтоб вы всё успевали!.**

...нет, они не сидят, они – восседают! И не обращают ни малейшего внимания на гвалт и сумасшествие города. Они

расстелили белые простынки (или – коврики?) на траве, разложили нехитрую снедь, они заголили гачи просторных штанов до колен и опустили ноги в прохладный, текущий с ледников, нежно журчащий арык...

Кажется мне это, или нет? – Они все в белых одеждах!..

Пожалуй, не кажется. Чуть ниже, по улице Пушкина, находится Мечеть, и старики (скорее всего приезжие по базарным делам узбеки или таджики, ибо коренные казахи нашли бы и другое местечко для отдыха), отторговавшись в первой половине дня, должно быть, уже успели переодеться, посетить Мечеть, и вот теперь, поближе к вечеру, воссели в белых одеждах у Прекрасного Арыка! Он в моём представлении навсегда прекрасен, этот Арык – ещё не забранный в бетон, ещё увитый густой травой, ещё журчащий по своим вольготным изгибам, по разноцветной, изумительно мерцающей со дна галечке...

«...в умах навёл переполох

Аллах.

Заговорили о Самом —

Самум...»

...но главное, что захватывает моё воображение и почти отвлекает от мучительных предчувствий, это – Кости. Они

взлетают в небо, подброшенные рукой одного из аксакалов, взлетают чуть выше моей пятилетней головы (а мы уже поравнялись со стариками, и я фиксирую высоту полёта), задерживаются там, в небе, на какое-то мгновение – в точке невесомости – и белым, градом опускаются на коврик. – Все шесть. Шесть костяных кубиков... *судьбонесущим*

Да, но почему – шесть?

Этот вопрос ещё застигнет меня, он ещё темно вынырнет в одном из подземных переходов юности и ошеломит безответно... а потом белесо проявится в одной из библиотечных подворотен зрелости, в осознании если не полного понимания, то предчувствия захватывающей, полновесной догадки, а пока...

Праздник: «День Смерти». Дата: «День Боли». Воспоминание: «День Жали»...

...а пока мне всего лишь пять лет, и я иду к «Тёте чёрненькой», и мне кажется, что в мире нет ничего прекраснее этих серебрянобородых величественных стариков, бросающих кости в небо и пытающихся вырвать из таинственных высот хотя бы какие-то знаки судьбы. Да, из таинственных высот самой Судьбы, а не из грязного, опасного мира, где делают больно...

Я хочу сесть ни их место, я хочу быть ими, и только ими!

Но для этого надо пережить не одну «Тётю чёрненькую», прожить не один десяток лет, переплыть не одну тысячу бессонных ночей и всерьёз задаться не одним десятком глупейших, бесполезнейших для обыденной жизни вопросов.

То есть, надо миновать Лабиринт и не заблудиться в нём. Или – проскочить гигантский Слалом и не сломить головы. Прямо по слову поэта:

«Пройди опасные года, тебя подстерегают всюду...»

Но это же почти невозможно! Оглянись назад – сколько могил на том пути, который ты всё-таки миновал! А другие, многие, большинство из которых и не думало задаваться глупейшими, бесполезнейшими вопросами, остались там, навсегда.

Почему? Зачем? Был ли какой-то смысл в том, чтобы дать тебе возможность задаться ими ещё и ещё? Не знаю, не знаю... но время зачем-то же было отпущено на этот «бесполезняк», на эти глупые вопросы, и вот...

И вот – и всё же! – я задаюсь ими...

*«...звенел босоногий день
В колодце гулкого смеха.
Печалился мальчик Тень.
Смеялась девочка Эхо...»*

3. Кость и пластик

Эхо... эхолоалия памяти – гулкой, словно скачущий в глубине пропасти звук. Глубина памяти и её неизменяемость имеют природу таинственную. Вот, например, что такое русская песня? Русский узор и орнамент? Русский национальный наряд?

Почему светская одежда сотни раз меняла моду и фасон, становясь то немецкой, то французской, то...

А национальный наряд – с его узором и орнаментом, цветом и вышивкой – словно бы дан свыше. Он в неизменном виде шагнул прямо на современную сцену откуда-то из языческой глубины.

Где он, это таинственное «Время но», где формировался наряд, ритуал и обычай? А главное – сам характер народа! Он, как упругий атом, скакал по излогам эпох, по скальным пропастям столетий, и оставался всё тем же «атомом», неделимым и неизменным по определению. *o O*

Держало его в целокупности не столько знание о точном Времени, но – гулкое эхо памяти о тех туманных событиях, когда праславянская биомасса, кочевавшая по Евразии, сгруппировалась и осознала себя народом, и явила из себя великий ритм песен, былин, узоры и цвета одежд.

И потом уже никогда, невзирая на все барские чудачества, не изменялась по сути – не изменяла себе. Эхо Памяти не дало стереть себя с лица земли. Как все великие цивилизации

на планете...

...я уже внимательно осмотрел Арабески, эти глиняные арабские таблички, разрисованные, облитые цветной глазурью, и понимаю, что не цветы, не орнаменты главное в этих табличках, а – Цифры. Девять великих арабских цифр.

Вот они: **1.2.3.4.5.6.7.8.9.**

Есть ещё цифра . Но это уже за предел. Это выход в бесконечность. А речь теперь о коде сугубо земной судьбы. И, значит, следует его искать в сочетании лишь девяти цифр. Римские цифры не в счёт, это профанные цифры. А настоящий, сакральный смысл скрыт в девяти Арабесках. **0**

Но я же сам – профан! Я же не математик, не каббалист, как я открою его, это волшебное сочетание цифр, если до меня ломали голову тысячи мудрецов и никто не разгадал кода? Да и дано ли человеку его разгадать?

А не перевернётся ли мир от **разгадки?**

– эта надпись на древнем храме может оказаться не мистическим предостережением, но реальным дорожным знаком, «кирпичом» с заурядным значением: *«Когда человек узнает что движет звёздами, Сфинкс засмеётся и жизнь на земле иссякнет»*

«Проезд запрещён».

– А согласны на соблазны?..

– Да, согласны,
– Два согласны,
– Три согласны
На соблазны!..

...да и статично ли само сочетание цифр? А вдруг?..

А вдруг оно – . А вдруг сочетание кубиков с **подвижно?!** определённым набором чисел для старика означает одно, а для юноши уже совсем другое?.. Для мужчин – одно, а для женщин – другое?..

Нет, значит, я не вполне профан, если смог предположить такое и догадаться о самой возможности иной механики, о самом взаимодействии магических цифр!..

Но до этого мы ещё доберёмся, доберёмся... и до бивня мамонта, запрятанного в дебрях сарая, и до прочих жгучих тайн детства доберёмся – дай срок, дай срок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.